

Title	Святая София Премудрость Божия в Древней Руси
Sub Title	
Author	ГРОМОВ, М.Н.
Publisher	三田哲學會
Publication year	1992
Jtitle	哲學 No.93 (1992. 1) ,p.397- 418
JaLC DOI	
Abstract	The Russian medieval culture has a deep philosophical sense. E. N. Trubetskoj names the icon "a speculation in colour." The high level of philosophizing in old and classical Russian literature (Hilarion, Maksim the Greek, Dostoevskij, Solovjev) connects with the influence of the artistic, aesthetic and biblic, symbolic thinking. The heart of images of religious philosophy is personified by Sophia. This key symbol of Russian wisdom, borrowed from Byzantium and the Orient, established in the Medieval Ages, became one of the dominants of Russian philosophy and culture in general. There are many temples, icons, verces and various works of art in honour of the Divine Sophie in medieval and contemporary Russian culture.
Notes	
Genre	Journal Article
URL	https://koara.lib.keio.ac.jp/xoonips/modules/xoonips/detail.php?koara_id=AN00150430-00000093-0397

慶應義塾大学学術情報リポジトリ(KOARA)に掲載されているコンテンツの著作権は、それぞれの著作者、学会または出版社/発行者に帰属し、その権利は著作権法によって保護されています。引用にあたっては、著作権法を遵守してご利用ください。

The copyrights of content available on the Keio Associated Repository of Academic resources (KOARA) belong to the respective authors, academic societies, or publishers/issuers, and these rights are protected by the Japanese Copyright Act. When quoting the content, please follow the Japanese copyright act.

Святая София Премудрость Божия
в Древней Руси

М. Н. ГРОМОВ*

The Divine Sophie in Old Russia

M. N. Gromov

The Russian medieval culture has a deep philosophical sense. E. N. Trubetskoj names the icon "a speculation in colour." The high level of philosophizing in old and classical Russian literature (Hilarion, Maksim the Greek, Dostoevskij, Solovjev) connects with the influence of the artistic, aesthetic and biblic, symbolic thinking. The heart of images of religious philosophy is personified by Sophia. This key symbol of Russian wisdom, borrowed from Byzantium and the Orient, established in the Medieval Ages, became one of the dominants of Russian philosophy and culture in general. There are many temples, icons, verces and various works of art in honour of the Divine Sophie in medieval and contemporary Russian culture.

* ロシア科学アカデミー哲学研究所ロシア哲学史科研究員

Сквозной и необычайно насыщенной сложным содержанием темой проходит через всю историю древнерусской культуры образ Софии Премудрости. Ни в какой иной культуре он не представлен так широко и разнообразно. Стоят на Русской земле посвященные Софии величественные кафедральные соборы Киева, Новгорода, Полоцка, Вологды, Тобольска. Два софийских храма сохранились в Москве. Одновременно София предстает в роли особого иконографического образа в фресковой живописи, иконописи, миниатюре, шитье, пластике. Она же является центральным или одним из главных сюжетов целого круга литературных произведений, ей посвящены возвышенные песнопения и проникновенные молитвы. Сверх того София выступает одной из важнейших доминант древнерусской мысли, имеет глубокий философско-символический смысл, содержит невыразимую в категориях абстрактного мышления эзотерическую таинственность и притягательную силу.

Образ Софии восхищает своим эстетическим совершенством. В каких бы воплощениях он ни являлся—как храм, как иконограмма, как литературный сюжет, как философа—он неизменно сияет мерцающим отблеском высшей духовной красоты. Прекрасен лик горней Премудрости, перед которым склоняется, по убеждению древнерусских авторов, вещная, тварная, телесная красота. Многих художников прошлого вдохновлял он на создание великолепных произведений, на творческое горение, на беззаветное служение истине.

Красноречиво повествуется об этом в жизнеописании Константина-Кирилла Философа, “первого наставника и учителя славянского народа”⁽¹⁾, стоящего у истоков не только болгарской, но и древнерусской культуры, издавна почитавшегося на Руси. В III главе пространного жития Константина-Кирилла, приписываемого Клименту Охридскому⁽²⁾, содержится описание многозначительного эпизода, называемого в отдельных списках “Видение” (вещий сон). Стратиг града повелел отроку выбрать себе невесту из многих красивых сверстниц,

собрав их вместе. “Аз же глядав и смотрив всех, видех едину краснейшу всех, лицом светящуюся и украшену велми монисты златыми и бисером и всею красотю, ей же бе имя София, сиречь “Мудрость”, —говорит он родителям, те же отвечают словами, заимствованными из Книги Притч и Премудрости Соломона, о ценности знания, о Мудрости, сияющей сильнее, чем солнце⁽³⁾.

Обручение с Софией, описанное в пророческом сне Константина, определило всю его дальнейшую жизнь⁽⁴⁾. Он восхищает своими успехами в ученье, он отвергает мирские забавы весь сосредотачиваясь в духовной деятельности, особенно в постижении словесных наук. Он сам наполняется внутренней духовной красотой, которая привлекает к нему людей. Юноша замечен, “о красоте его, и мудрости, и прилежании в науках” узнают при дворе византийского императора, куда он призывается для получения лучшего по тем временам образования⁽⁵⁾.

И вновь судьба испытует его. Логофет Феоктист предлагает Константину брак с богатой, знатной и красивой девицей с последующей светской карьерой—ей благоволит сам император. Константин избирает иной путь: он постригается в первый священнический чин, становясь дьяконом и патриаршим библиотекарем при Святой Софии. Он остается верен своему отроческому обручению, верен своей избраннице Софии, которая незримо сопровождает его до конца жизненного пути.

Особенностью средневековых произведений, словесных и живописных, музыкальных и архитектурных, является то, что наряду со внешним, событийным, эмпирическим, чувственно-осязаемым уровнем организации материала и пространства, они как правило содержат внутренний, символический, чувственно не воспринимаемый, видимый лишь “духовными очами” сокровенный смысл. Сквозь словесный текст жития славянского первоучителя проступает глубоко назидательная притча о союзе человека с мудростью: Константин родился в Солуни под эгидой местного Софийского

храма, он приблизился к Софии Константинопольской, высшему духовному средоточию Византии; он получил имя Философа, ибо не формально (как это явствует из этимологии термина), а всем своим существом возлюбил Софию, ставшую для него превыше всех благ земных. Не случайно именно он дал первое определение философии на славянском языке⁽⁶⁾ и выразил в славянской речи такие понятия (естество, свойство, сущность, природа, вселенная, закон, бытие, идея и др.) без которых немислимо развитое мышление⁽⁷⁾.

В славянской письменности сохранилось большое количество произведений (основная их масса—древнерусские), в которых описывается жизнь и духовный подвиг Константина-Кирилла, упоминается его имя вместе с именем брата Мефодия. В похвале славянским первоучителям по болгарскому пергаменному списку XIV века из русского Пантелеймонова монастыря на Афоне Константин по Восходящей к античности эстетической традиции сравнивается с неутомимой пчелой, влагающей в человеческие души сладостный мед высшего разумения: “Весь мир претекова детель яко пчела, бого-разумия мед пречистый в срдца влагая”⁽⁸⁾. А на Руси Епифаний Премудрый, описывая просветительскую деятельность Стефана Пермского, создавшего зырянскую азбуку, сравнивает подвижническую суть его трудов с подвигом первоучителя: “Тамо Кирил, zde же Стефан, оба сиа мужа добра и мудра быста, и равна суца мудрованием, оба одинако равны подвиг обависта...”⁽⁹⁾. Имя Кирилла Философа присутствует в самых ранних русских рукописях: в Остромировом Евангелии (под 14 февраля—днем памяти), в Изборнике 1073 года (в статье о чтении книг), в Повести временных лет (в рассказе о моравской миссии солунских братьев). Его имя на Руси неразрывно связано с Софией Премудростью, ибо она “сзда в срдци его храмъ себе”⁽¹⁰⁾.

Столь же неотделимым от Софии является в древнерусской традиции имя Ярослава Мудрого. Рассказ о его обширной просве-

тительской деятельности, красочно описанный в Повести временных лет под 1037 годом, органично переходит в восторженный гимн знанию, мудрости, книге, один из самых ярких в древнерусской литературе. В композиционный центр славянского панегирика умело вмонтированы слова из библейской похвалы горнему знанию: “Аз, премудрость, вселих свет и разум и смысл аз призвах... Мои съвети, моя мудрость, мое утвержденье, моя крепость. Мною цесареве царствуютъ, а силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и учителя держать землю. Аз любящая мя люблю, ищющи мене обрящють благодать”⁽¹¹⁾.

Как воздвижение “дома Премудрости” было воспринято современниками построение Ярославом храма Софии Киевской. Он же укрепил город, поставил Золотые ворота, уподобив славянскую столицу византийской. Храм как духовное средоточие, как глава града, а град как единение людей имеют в средневековой семантике особый смысл. Образ града с крепкими стенами, с вознесенным над ним храмом был символом устойчивого, огражденного от внешних сил, устроенного на благо бытия⁽¹²⁾. Этот образ широко представлен в древнерусском искусстве, разнообразно варьируясь и своеобразно накладываясь на изображения реальных городов, крепостей, монастырей Древней Руси.

Иларион в “Слове о законе и благодати” помещает торжественную похвалу Ярославу, которая, возможно, прозвучала впервые под сводами Софии. Деяния сына Владимира, крестившего Русь и введшего ее в семью цивилизованных народов, сравниваются с деяниями мудрого библейского царя Соломона, сына легендарного Давида, и прежде всего с построением им Иерусалимского храма: “Акы Соломон окончил дела Давдва, иже дом Божии великый святыи Его Премудрости съ зда”. Если раньше “таинная премудрости Божии утаена бяаху”, то теперь она предстала перед новопросвещенными русичами во всем своем величии и красоте. Луховная красота Софии отражается в ее сверкающем великолепии, ибо храм

был украшен на диво всем народам и странам: “Всякою красотою украси, златом и серебром, и камениемъ драгим, и съсуды честными, яже церкви дивна и власна всем округьним странам”⁽¹³⁾.

Среди многих функций, выполнявшихся Киевской Софией, которая была и митрополичьим храмом, и книгохранилищем, и местом приема послов, и пантеоном, где в мраморном саркофаге был погребен ее строитель Ярослав Мудрый, она играла роль сокровищницы искусств в их органическом синтезе. То, что сейчас раздельно представляют театр, музей, картинная галерея, филармония, было объединено единым действием храмового служения. Если вспомнить о раздававшемся под сводами Софии пении, о торжественно звучавших проповедях, о таинственно мерцающих мозаиках и дымчато проступающих фресковых росписях, о многоцветных иконах, переливающихся одежаниях, многоценной утвари, об облаченных в оклады книгах, об особой обонятельной атмосфере—и все это соотнести с внутренней и внешней организацией пространства, с искусной обработкой использованных материалов, то можно представить, какое мировоззренческое и эстетическое воздействие производила на древнерусских людей София, высившаяся посреди Киева как бесценный палладиум, игравший для славянской столицы не меньшую роль, чем Парфенон для древних Афин или св. София для Константинополя.

В свое время русским людям, посетившим Константинопольскую Софию, казалось, что они пребывали на небесах, так сильно было содействие этого храма⁽¹⁴⁾. Теперь подобные святилища появились на Руси, сначала в Киеве, затем в Новгороде и других городах. Сеть софийских храмов покрывала греческие и славянские земли, они украшали Солунь, Мистру, Никею, Трапезунд, Охрид и другие города греко-славянского православного мира. В честь древнего храма “Света София” получила свое имя новая болгарская столица.

Образ Премудрости явился новопросвещенным древнерусским людям и со страниц переведенных книг, прежде всего канонических. Апостол Павел, говоря об иудеях, ждущих чудес от новой

христианской веры, и об эллинах, ищущих от нее премудрости, называет Христа “Божией Премудростью” (1 Кор., 1, 24). Смысл этой Премудрости сокровен и непостижим; по его словам: “Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих. Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей...” (1 Кор., 2, 6–7).

Вместе с первоначальным отождествлением в христианстве Премудрости с Христом как Логосом, божественным Словом, имеются иные ее трактовки: как одного из божественных свойств, как самого христианского вероучения, как риторской премудрости слова у того же апостола Павла, как одного из служебных духов, “духа премудрости и разума” у пророка Исаии (Ис., II, 2), или как Богородицы. Полисемантизм, сложность и несопадающие трактовки изначального смысла этого общечеловеческого архетипа заставляют хотя бы вкратце осветить историю его возникновения, вскрыть генезис наслоившихся на него восточных и античных мифологем⁽¹⁵⁾.

Впервые термин *σοφία* встречается у Гомера в “Илиаде” (песнь 15, ст. 410–413) как мудрость, проистекающая от Афины Паллады. Родившаяся из главы Зевса, девственная прекрасная богиня предстает как “многодаровитая мать художеств”, устроительница и защитница городов, “Градодержица” (*Πολιοῦχος*). Божественной мудростью именуется София Платон (Федр, 278 d). Категориальный анализ Мудрости как знания первопричин и сущности дает Аристотель (Метафизика, 983 А 24–25; 995 В 10–13). Понятие Софии осмыслили Демокрит, Пифагор, Филолай, Прокл и многие другие эллинские мыслители. “В упорядоченном здании греческого языка и греческого мифа идея Софии и образ Афины стоят друг против друга, взаимно отражая, осмысливая и объясняя друг друга”⁽¹⁶⁾.

Кроме античного влияния на формирование средневекового образа Софии сфщественное персонифицирующее воздействие оказала ветхозаветная мифологема Премудрости. В наиболее философичной

части Библии, которую иногда называют “премудростной” (Книга Премудрости Соломона, Книга Притчей Соломоновых, Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, Екклесиаст)⁽¹⁷⁾, проступает в сравнении с греческим менее абстрагированный, более чувственно воспринимаемый, личностный, интимный, (в духовно-возвышенном значении этого слова) облик Премудрости. Именно здесь возникает мотив обручения с мудростью и связан он с юным Соломоном. Попросив у Бога во сне даровать ему “сердце разумное”, юноша получает великий дар прозрения в суть вещей, понимание прекрасного и благого устройства бытия. Соломон воздвигает грандиозный Иерусалимский храм, который станет прообразом софийских храмов Средневековья; его перу приписывают две “премудростные” книги, Песнь Песней, Екклесиаст, ряд других творений; с его именем связаны справедливые суды и чаша с таинственными письменами, содержащими пророчество о Христе⁽¹⁸⁾.

Подлинным гимном Мудрости звучат древние библейские строки:
“Главное—мудрость: приобретай мудрость,
и всем именем твоим приобретай разум.
Высоко цени ее, и она возвысит тебя;
она прославит тебя, если ты прилепишься к ней;
Возложит на голову твою прекрасный венок,
доставит тебе великолепный венец”.

(Притч., 4, 7–9)

Библейский царь Соломон стал олицетворением восточной мудрости в средние века. На одной из ранних русских фресок начала XII века в барабане центральной главы Новгородского Софийского собора Соломон изображен в царском облачении со свитком в правой руке, где начертаны слова: “Премудрость създа себе храм и утврди стлѣп семь и посъла своя...”⁽¹⁹⁾. На сюжет построения Премудростью своего обиталища—дома или храма—создано немало произведений литературы и искусства, в том числе в Древней Руси. Они опираются на строки девятой главы той же книги:

“Премудрость построила себе дом,
вытесала семь столбов его,
Заколола жертву, растворила вино свое
и приготовила трапезу;
Послала слуг своих
провозгласить с возвышенностей городских:
“Кто неразумен, обратись сюда!”
И скудоумному она сказала:
“Идите, ешьте хлеб мой
и пейте вино, мною растворенное;
Оставьте неразумие,
и живите, и ходите путем разума”

(Притч., 9, 1-6)

Образ духовной трапезы, созвучный платоновскому “Пиру”, предстает как чувственно осязаемый пир души, с веселием насыщающей незримыми благами. Вещный аспект этой сцены отходит на второй план, явственно же проступает сокровенный смысл причащения хлебом и вином высшей мудрости, который войдет в таинство евхаристии, сложившееся под влиянием древнего восточного обычая преломления хлеба и вкушения вина.

Почитание Мудрости как царствующей персоны, освященной свыше и причастной к самым сокровенным тайнам бытия, уходит своими истоками дальше на восток. Верховное божество иранской мифологии Ахурамазда (“Господствующая мудрость”), изображаемое в крылатом солнечном диске (напоминающем круги “славы” в древнерусской иконописи), имел 7 ангелообразных женственных божеств, среди которых выделяется Аша Вахишта—Истина, покровительница огня⁽²⁰⁾. Возможно отсюда проистекает традиция изображения Софии в иконописи с огненным ликом и огненными крыльями в Новгородской иконограмме. Становится ясным и то, почему Персидское государство в некоторых древнерусских источниках именуется как “Софийское”⁽²¹⁾.

На византийской почве в рамках христианской идеологии происходит соединение античного образа Софии, связанного с Афиной Палладой, и библейского образа Премудрости; складывается новая интерпретация одного из глубинных общечеловеческих архетипов—прекрасной, девственной, благоустраивающей, царственной Премудрости. В спорах с гностическими сектами, с арианами, с монофизитами выкристаллизовывалась византийская софиология. Она опиралась на труды Оригена, Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Максима Исповедника и других авторитетов⁽²²⁾.

Особенно важен вклад Дионисия Ареопагита в выработку восточно-христианского понимания Софии. Именно он убедительно обосновал необходимость добавления трансцендирующей присказки к имени Мудрости—*ὑπερ*, “сверх”, в старославянском языке—“пре”. Мудрость человеческая и горняя и Премудрость были ясно осознаны в своей соотнесенности⁽²³⁾. Перевод корпуса Ареопагита, законченный в 1371 иноком Исайей, появившись на Руси, стал одним из основных философско-эстетических и софиологических трактатов⁽²⁴⁾.

В опубликованном Г. М. Прохоровым “Послании Титу—иерарху” из корпуса Ареопагита по сербскому списку XIV в., древнейшему из сохранившихся славянских, с комментариями Максима Исповедника, София предстает промыслом совершенным, “иже бытию и благобытию всех виновнь, и на все проходить, и въ всячьских бывает, и объемлеть вса”⁽²⁵⁾.

Сложна и разнообразна иконография Софии. Сложна потому, что невозможно исчерпывающе выразить художественно-пластическими средствами столь непростой архетип—старая проблема выражения идеального через материальное вновь предстает здесь во всей остроте. Разнообразен же лик Софии в искусстве ввиду различных ее трактовок и отсутствия канонически утвержденного и нормативно закрепленного изображения (в отличие, скажем, от иконографических канонов Христа и Богородицы). Строгого канона в изображении Софии Премудрости не было ни в Византии, ни на

Бачканах, ни на Руси.

Согласно древним сказаниям, первое изображение Софии в Константинопольском храме отразило отождествление ее с Логосом, Спасом, Иисусом Христом⁽²⁶⁾. Как сообщается в одном из наиболее ранних русских источников XII века: “Оттоле же прият таковое наречение (о) церкви: (да) имянуется святая София Слово Божие, нареченное от ангела Господня”⁽²⁷⁾. София здесь была представлена в виде ангела Великого совета, среднего в изображении ветхозаветной Троицы.

Ф. И. Буслаев считал это изображение сходным с лаконичным облаком Спаса-Вседержителя на миниатюре лионской рукописи Психоматия Пруденция, содержащей изображение Христа с книгой в руке и надписью “Sancta Sophia”⁽²⁸⁾. Ангел, изображающий Софию, получил иконографические атрибуты Христа: царско-архиерейское облачение и крестчатый нимб, дабы выделить его среди иных. В несохранившейся росписи Золотой палаты Московского Кремля было изображение “Спаса на херувимах” с подписью “Премудрость ИС ХС”. Показательно, что в ряде памятников Новгородский и Полоцкий храмы в честь Премудрости называются мужским именем Софей, это в частности отразилось и в наименовании софиологического сочинения Зиновия Отенского⁽²⁹⁾.

Первой софийской иконой на Руси, возможно, стал древний образ Новгородского храма византийского письма из Корсуни⁽³⁰⁾ или написанный при построении каменного здания храма, но тоже “греческого перевода”⁽³¹⁾. Безусловно, какая-то софийная икона должна была иметься и в Киевском храме в честь Софии, но о ней не сохранилось никаких сведений, а стоящая сейчас в иконостасе икона Софии Киевской относится ко времени Петра Могилы.

Именно Новгород стал центром софийной иконографии на Руси. Возрождение интереса к образу Софии связано с деятельностью митрополита Макария, будущего главы русской церкви при Иване Грозном, известного своими культурно-просветительскими меропри-

ятями. Он сам был иконописцем и возможно принял участие в разработке композиции, называемой Новгородской Софией.

В законченном виде новгородский вариант Софии представляет собой усложненную и полную глубокого символического смысла композицию. В центре на престоле восседает в царском одеянии огненноликий и огненнокрылый ангел с венцом на главе, жезлом в правой и свитком в левой руке. Ему предстоят (как в деисусной композиции) слева Богоматерь с круглым медальонным изображением Эммануила в руках и справа Иоанн Предтеча с хартией в левой руке и прижатой к груди правой. Темная со звездами иссиня-черная “слава”, на фоне которой восседает София, придает ей космически-вселенский характер. Над главой ангела поясное изображение Христа, над ним шесть симметрично расположенных ангелов со “свитком неба” в руках⁽³²⁾, а между ними на уготованном престоле золотистого цвета книга с красным обрезаем⁽³³⁾. Иногда эта композиция дополняется припадающими к подножию престола фигурами новгородских святых Никиты и Иоанна, других новгородских святых на полях иконы, причем все они развернуты к центру композиции и стоят с воздетыми руками.

Каждая деталь, особенно в изображении крылатого ангела, имеет свою символику. Они толкуются по одной из древнерусских рукописей таким образом: имеет над собой Христа, ибо он “главо мудрости”; лицо огненное потому, что огнем божественным опалает “страсти тленные, просвещая же душу чисту”; венец царский означает, что “смиренная . . . мудрость царствует страстем”; одеяние и скипетр знаменуют “образ старейшинства и святительства”, “властелинский сан”; свиток “в шюйце”, свернутый и прижатый к сердцу содержит “неведомые съкровенные тайны, рекше, преданная писания видети”⁽³⁴⁾. Весь образ пронизан вселенским, космическим смыслом⁽³⁵⁾.

Макарий, став митрополитом всея Руси, перенес новгородский культ Софии на московскую почву. Ее изображение появляется во-

всех главных соборах Московского Кремля: икона в Благовещенском соборе; наружная фреска в полукружии закомары над жертвенником Успенского собора; фреска в алтаре Архангельского собора над горним местом. “Представляется не случайным то обстоятельство, что в Кремле три известные софийные изображения⁽³⁶⁾ расположены в алтарной части храмов... где совершается главнейшее христианское таинство—евхаристия⁽³⁷⁾”.

XVI век в русской истории стал временем наибольшего распространения образа Софии в древнерусской культуре. Не только в центре, но и по многим городам, селам, монастырям начинается распространение иконографии Премудрости, строительство в ее честь храмов, переписывание старых и создание новых софиологических литературных сочинений. Когда Иван Грозный задумал перенести столицу на Север в Вологду, он повелел выстроить грандиозный Софийский собор по образцу московского Успенского. В несохранившемся костромском кафедральном Успенском соборе были интересные росписи в притворе и на наружной стене алтаря, посвященные Софии. В вологодской церкви св. Георгия обнаружил икону Софии известный искусствовед Г. Н. Лукомский⁽³⁸⁾. Эти примеры можно умножить, они свидетельствуют о широком распространении образа Софии по всей территории России, начиная с эпохи Ивана Грозного.

Кроме того варианта иконографии Софии, который принято называть новгородским⁽³⁹⁾, выделяют еще три: киевский ярославский (холмогорский) и композицию “Премудрость созда себе дом”. Если в новгородской иконографии София предстает в образе крылатого ангела, то в Киевской—как Богородица, в ярославской—как церковь, а в последней композиции—как символическое изображение евхаристии.

Киевская София, изображение которой сохранилось в иконостасе, имеет сложную композицию, где многократно подчеркивается символическое значение семерницы. Богоматерь в виде Оранты стоит на полумесяце в центре кивория, символизирующего семистолпный

храм, к которому ведут 7 ступеней с 7-ю стоящими на них пророками и святыми отцами и над которым в небесах проступают поясные фигуры 7 ангелов. В ярославской иконе вместо Богоматери изображен престол с распятием под киворием и несколько иная композиция, о которой можно судить по фреске церкви Иоанна Златоуста в Ярославле⁽⁴⁰⁾.

Если Киевская и ярославская (иногда называемая крестной) иконографии Софии сравнительно поздние и малораспространенные, то композиция “Премудрость созда себе дом” является древней и известной по многим памятникам. (К слову сказать, киевская и ярославская иконы тоже могут трактоваться как разновидности этой композиции)

Сюжет “Премудрость созда себе дом” пришел на Русь с Балкан, хотя имеет и какой-нибудь византийский прототип⁽⁴¹⁾. Древнейшее из сохранившихся изображений относят к 1295 г. и представляет оно фреску в церкви Климента в Охриде. В нескольких сербских, македонских, болгарских храмах есть фрески на этот сюжет. “Совершенно очевидна связь темы Премудрости с литургическими песнопениями и таинствами литургии”⁽⁴²⁾. Самое раннее древнерусское изображение 1363 г. имелось в церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода, разрушенной в годы последней войны. Одно из наиболее красочных и развернутых изображений данного сюжета присутствует в иконе кон. XV в. из Кириллова монастыря возле Новгорода, хранящейся ныне в Государственной Третьяковской галерее⁽⁴³⁾.

Икона двухчастная. Внизу слева изображена Премудрость с восьмиконечным нимбом в белом хитоне, восседающая на семистолпном седалище с чашей, символом евхаристии, в левой руке и жезлом в правой. Она обрамлена пятью кругами “славы”. В правом верхнем углу сидящая Богоматерь с младенцем. Между Премудростью и Богоматерью разворачивается динамическое действие: семь слуг, символизирующие апостольское служение, протягивают чаши семи устремля-

ющимся к ним юношам. Вверху из храма свешивается фигура царя Соломона со свитком, справа ей противостоит Иоанн Дамаскин также со свитком. Внизу—престол с “уготованной трапезой”. В верхней части иконы помещено изображение монументального храма, где на фоне палат представлены 7 вселенских соборов. Над храмом семь кругов с ангелами, изображающие 7 духов пророка Исаяи⁽⁴⁴⁾.

Заканчивая краткое рассмотрение иконографии, Софии, следует заметить, что она воплощена не только в фресках, иконописи, миниатюрах, но также в мелкой пластике (костяной складень из Ипатьевского монастыря, деревянный образок из коллекции А. С. Уварова), шитье (хоругвь из Никитского храма в Новгороде, новгородская пелена в ГИМе), сфрагистике (изображение на печатях новгородских архиепископов). Возможны и другие материализации возвышенного образа Софии Премудрости.

Многообразны памятники литературы и письменные источники, в той или иной степени посвященные теме Софии. Уже в составе Изборника 1073 года содержится статья Ипполита в редакции Анастасия Синаита, где истолковывается IX притча Соломона, положившая начало иконографии “Премудрость созда себе дом”⁽⁴⁵⁾. Значение этого византийского источника подчеркнул А. Амман⁽⁴⁶⁾. Притча и толкование на нее, известные в нескольких редакциях, привлекали внимание Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Иосифа Волоцкого, Зиновия Отенского, Иоанникия Лихуда, Семена Шаховского и многих других средневековых мыслителей и писателей. Эта же тема развивалась в гимнографических творениях, каковыми являются канон на великий четверг Косьмы Майюмского, пасхальный канон Иоанна Дамаскина, стихирь на преполовление, служба на начало индикта. В особом каноне, посвященном Софии и хранившемся в одноименном московском храме, поставленном близ Пушечного двора, содержатся такие взволнованные строки: “Всем сердцем взыщем Премудрость . . . Дар благ дает нам София . . . и путем правым тещи наставляет нас, аще течем путем тем—не

запнемся, и сохраняем себе в живот вечный”⁽⁴⁷⁾.

Если же брать тему Премудрости во всех ее проявлениях и во множестве близких ей понятий, то редкий древнерусский автор в той или иной мере не касался Софии, ибо сам тип мышления и мировоззрения того времени содержал софийный элемент. С первых и до последних лет жизни человек соприкасался с образом Софии, даже в храме во время литургии перед ектенией он слышал возглас: “Премудрость вонмем” (“внимаем Премудрости”). Совпадение же имени христианской мученицы Софьи с именем Премудрости, породило ассоциативную связь имен трех дочерей—Веры, Надежды, Любви—с христианскими добродетелями⁽⁴⁸⁾.

Интересны многочисленные интерпретации Софии, ее атрибутов, связанных с ней имен и понятий в древнерусских лексикографических словарях, прежде всего в Азбуковниках, возникших не без влияния такого энциклопедически образованного филолога, богослова и философа, каким был Максим Грек⁽⁴⁹⁾. Существуют как краткие объяснения лексемы София: “София (греч.)—премудрость”⁽⁵⁰⁾, так и пространные вроде истолкования новгородского варианта Софии⁽⁵¹⁾.

И, наконец, образ Софии имеет важное значение для понимания древнерусской философии и эстетики, ибо он в совершенных произведениях искусства выразил нерасторжимое единство мудрости и красоты. Тот вдохновенный платоновский эрос, который побуждал античную мысль стремиться к горнему знанию как высшему выражению прекрасного, проник через византийское посредничество на Русь и послужил мощным творческим импульсом в становлении древнерусской мудрости. Эта антисхоластическая традиция глубоко укоренилась в отечественной культуре и создала развитые формы философствования, неотделимые от словесного и изобразительного искусства. Русская мысль наилучшим образом выражала себя в искусстве и литературе во все века. Эта тенденция эмоционально-эстетического понимания мудрости прослеживается и в европейской

культуре, в частности в августинизме: “Мудрость отождествляется Августином с красотой и возводится в создатели как философии, так и науки “любви к прекрасному”—филокалии”⁽⁵²⁾.

При всей своей духовной утонченности образ Софии Премудрости являлся не отвлеченным символом, но одной из важных доминант социальной практики в древнерусском обществе. Храм Софии Киевской был не только сакральным средоточием, палладиумом Древней Руси, но и ее общественно-политическим центром, ибо в нем происходили важнейшие государственные церемонии: прием послов, оглашение документов, обсуждение важнейших вопросов внутренней и внешней жизни. Новгородская София выступала зримым символом независимости феодальной республики: “Где святая София, тут и Новгород”. Группировавшийся вокруг кафедрального собора “политический и хозяйственный комплекс”, называемый “домом св. Софии”, играл роль организующего ядра всей общественной жизни средневекового Новгорода⁽⁵³⁾. Для укрепления политического единства Российского государства в XVI веке при Иване Грозном утверждается культ Софии в Москве и потом централизованно распространяется по всей Руси. Строительство Софийского собора в Тобольске, ставшем центром русской колонизации в Западной Сибири, имело цель духовно-практического освоения вошедших в состав расширявшего свои пределы государства новых земель.

Тема Софии Премудрости, пройдя через всю историю допетровской Руси и получив разнообразные формы своего бытия на благодатной древнерусской почве, перешла впоследствии в отечественную культуру Нового времени. Она проступает в творчестве многих философов XVIII–XIX столетий. В начале XX века вместе с интересом к древнерусской живописи и архитектуре усиливается интерес к теме Софии. Начинают издаваться специальный журнал “София”⁽⁵⁴⁾, создаются новые произведения искусства на тему Премудрости, например колоритный образ Софии новгородского типа в иконостасе Троицкого собора Почаевской лавры, построенного архитектором

А. В. Шусевым накануне I мировой войны. Сейчас вновь пробуждается интерес к теме Софии, о чем свидетельствует ряд публикаций последних лет⁽⁵⁵⁾, в том числе в иностранной литературе⁽⁵⁶⁾.

Увидеть же, почувствовать и оценить прекрасный лик Премудрости может любой посетитель Московского Кремля, обратив внимание на великолепную фреску Успенского собора, находящуюся на внешней плоскости восточной стены справа от алтаря над мягко огибающим ее ажурным подзором закомары жертвенника. Да и вообще не лишне напомнить современному человеку, что для понимания древнерусской культуры важно иметь не только теоретическое, абстрактное, книжное о ней представление, но требуется серьезно и глубоко знать подлинные памятники Древней Руси во всей их неповторимости, красоте и непреходящей ценности, в том числе эстетической.

* * *

- (1) Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 75.
- (2) Климент Охридски. Събрани съчинения. Пространни жития на Кирил и Методий, т. 3, София, 1973.
- (3) Рукопись XV в. ГБЛ, Ф. МДА, № 19, л. 366.
- (4) Ключевая III глава пространного жития Кирилла-Константина проанализирована итальянским славистом Анжело Данти в статье "Духовный путеводитель святого от мудрости к Премудрости": Danti A. L'itinerario spirituale di un santo: dalla sagesza alla Sapienza. Note sul cap. III della Vita Constantini В кн.: Константин-Кирил Философ. София, 1981, с. 37-58.
- (5) Dvornik F. Les légendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance. Prague, 1977, p. 36-41.
- (6) Ševčenco J. The definition of philosophy in the Life of Saint Constantin.—In: For Roman Jacobson, essays on the occasion of his sixtieth birthday. The Hague, 1956, p. 449-457.
- (7) Краткая история болгарской философской мысли. М., 1977, с. 26-27.
- (8) Александров А. И. Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века. Варшава, 1893, с. 7.
- (9) Епифаний Премудрый. Повесть о Стефане Пермском.—Памятники старинной русской литературы, издаваемый Г. Кушелевым-Безбо-

- родко. Вып. 4, СПб., 1862, с. 151.
- (10) Климент Охридский. Похвала Кириллу Философу.—В кн.: Ундольский В. М. Климент епископ Словенский. М., 1895, с. 45.
 - (11) Повесть временных лет.—В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI—начало XII века. М., 1978, с. 177.
 - (12) Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской.—В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 44–45.
 - (13) Молдован А. М. “Слово о законе и благодати” Илариона. Киев, 1984, с. 97.
 - (14) “И придохом же в Греки, и ведоша ны, идеже служить богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая...” —Повесть временных лет.—В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XI—начало XII века, с. 122.
 - (15) Теме Софии посвящена обширная библиография, имеющаяся в исследованиях русских дореволюционных (Н. П. Кондаков, Ф. И. Буслаев, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский) советских (А. В. Арциховский, В. Н. Лазарев, В. Г. Брюсова, С. С. Аверинцев), зарубежных (А. Амман, Л. Будде, Э. Вейцман, А. Грабар, О. Демус, Л. Прашков) исследователей.
 - (16) Аверинцев С. С. Ук. соч., с. 32.
 - (17) Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное писание. М., 1855, с. 9 (по особой статье, заимствованной из Вульгаты).
 - (18) Farber R. König Salomon in der Tradition, Wien, 1902.
 - (19) Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 140–145.
 - (20) Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I, М., 1980, с. 67, 142.
 - (21) Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878–1881, с. 333.
 - (22) Флоровский Г. О. О почитании Софии Премудрости Божией в Византии и на Руси.—Труды У съезда русских академических организаций за границей. Ч. I, София, 1932.
 - (23) Аверинцев С. С. Ук. соч., с. 27.
 - (24) Прохоров Г. М. Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита в древнерусской литературе.—ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 351–361.
 - (25) Прохоров Г. М. Послание Титу-иерарху Дионисия Ареопагита в славянском переводе и иконография “Премудрость созда себе дом”.—ТОДРЛ, т. XXXVIII. Л., 1985, с. 34. Подробнее см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–IV веков,

Святая София Премудрость Божия в Древней Руси

Л., 1987.

- (26) Виленский С. Г. Византийско—славянские сказания о создании храма Святой Софии Царьградской. Одесса, 1900.
- (27) Сказание о Святой Софии Цареградской.—ПДПИ. Вып. 78, СПб., 1889, с. 13.
- (28) Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861, с. 296.
- (29) Зиновий Отенский. Сказание известно, что есть Софей Премудрость Божия.—Вестник общества древнерусского искусства. Вып. I., 1874.
- (30) Павлов А. Историческое описание святыни Новгородской. СПб., 1847, с. 35.
- (31) ААЭ, т. I, СПб., 1836, с. 248.
- (32) Иногда неверно атрибутируемом как “радуга”: В. Р-ов (Рудаков). София.—Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. Т. XXXI. СПб., 1900.
- (33) Квалифицированное искусствоведческое описание иконы Софии Новгородского извода XVI в. из собрания П. Д. Корина см. в кн.: Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, с. 58 (№ 36).
- (34) Фрагмент “София Премудрость Божия” в рукописи XVII в. ГИМ, Син., № 70/238, л. 406–406 об.
- (35) Gladigow V. Sophia und Kosmos. Hildesheim, 1965.
- (36) Имеются и другие, в частности, небольшого размера икона, помещенная в праздничном чине иконостаса церкви Ризположения.
- (37) Яковлева А. И. “Образ мира” в иконе “София Премудрость божия”.—Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 395.
- (38) Лукомский Г. К. Вологда в ее старине. СПб., 1914, с. 108.
- (39) Подробно исследован искусствоведом В. Г. Брюсовой в ее докторской диссертации “Фрески Софии Новгородской” (Л., 1974).
- (40) Брюсова В. Г. Фрески Ярославля XVII—начала XVIII века. М., 1983, с. 140.
- (41) Meyendorff J. L’iconographie de la Sagesse divine dans la tradition byzantine.—Cahiers archeologiques, Paris, 1959, X, p. 273.
- (42) Прашков Л. Хрелева башня Рильского монастыря и ее стенопись.—Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975, с. 157.
- (43) Антонова В. И. и Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи (Государственная Третьяковская галерея). Т. П. М., 1963, с. 25.
- (44) Сидорова Т. А. Вологовская фреска “Премудрость созда себе дом” и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в.—ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, с. 213–214.
- (45) Брюсова В. Г. Толкование на IX притчу Соломона в Изборнике 1073 г.—Изборник Святослава 1073 года. Сборник статей, М., 1977, с.

292-306.

- (46) Amman A. Darstellung und Deutung der Sophia im Vorpetrischen Russland.—*Orientalia christiana periodica*, Roma, 1938 (IV), pp. 129-156.
- (47) Флоренский П. Служба Софии Премудрости Божией. Троице-Сергиева Лавра, 1912, с. 8.
- (48) Показательно объединение в одном произведении искусства—трехстворчатом складне нач. XVII в. строгановских писем новгородского образа Софии и изображения Софии с дочерьми Верой, Надеждой, Любовью (Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина, с. 88-89, № 66).
- (49) Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877, с. 219-220.
- (50) Рукопись XVII в. ГБЛ: Пискар., № 197, л. 135. Здесь же объясняется значение однокоренных лексем: “софос”, “софее”, “софист”.
- (51) Рукопись XVII в. ГПБ, Солов., № 20/20; л. 90 об.-92 об.
- (52) Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984, с. 49.
- (53) Тихомиров М. Н. Русская культура X-XVIII вв. М., 1968, с. 185-199.
- (54) “София”. Журнал искусства и литературы. М., 1914, № 1-6. Издавался К. Ф. Некрасовым под ред. П. П. Муратова.
- (55) См.: Топоров В. Н. Древнегреческая *σοφία*: происхождение слова и его внутренний смысл.—Восточная балканистика. М., 1978; Он же. Еще раз о древнегреческой *σοφία*: происхождение слова и его внутренний смысл.—Структура текста. М., 1980; Антоний митрополит. Из истории новгородской иконографии—Богословские труды. М., 1986. Сб. 27; Громов М. Н. Образ Софии Премудрости в культуре Древней Руси.—Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Киев, 1988 и др.
- (56) Lieb F. Sophia und Historie. Zürich, 1962; Alte Weisheit und modernes Denken. München, 1986; Fiene D. M. What is the Appearance of the Divine Sophia?—*Slavic Review*. Univ. of Texas. Austin. V. 48 N 3 1989 etc.

Сокращения в тексте

Стр. 2, сноска 3

ГБЛ, ф. МДА=Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, фонд Московской Духовной академии

Стр. 12, сноска 23

Ук. соч.=Указанное сочинение

Стр. 12, сноска 24

ТОДРЛ, т. XXXI, Л.=Труды Отдела древнерусской литературы

Святая София Премудрость Божия в Древней Руси

- Института русской литературы, том 31, Ленинград
Стр. 13, сноска 27
ПДПИ. Вып. 78, СПб. = Памятники древней письменности и искусства,
Выпуск 78, Санкт-Петербург
- Стр. 14, сноска 31
ААЭ = Акты Археографической экспедиции
- Стр. 16, сноска 34
ГИМ, Син., № 70/238, л. 406-406 об = Государственный Исторический
музей /Москва/, Синодальное собрание, рукопись № 70/238, лист
406-406 оборотный
- Стр. 321, сноска 50
Пискарь. = Пискаревское собрание
- Стр. 21, сноска 51
ГПБ, Солов. = Государственная Публичная библиотека им. М. Е.
Салтыкова-Щедрина /Ленинград/, Соловецкое собрание